

УДК 94(4+477.87) „1939/1941”: 327

КАРПАТСКАЯ УКРАИНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ 1939-1941 гг.

Марьина В.В. (Москва)

У статті розглядаються: місце так званого «українського питання» у європейській політиці напередодні й у початковий період Другої світової війни, реакція Німеччини і західних держав на проект «Карпатська Україна», радянська позиція у відношенні Закарпаття, його майбутнє в уявленні експрезидента Чехословаччини Е. Бенеша. Стаття заснована на архівних матеріалах, опублікованих документах і літературі.

Ключові слова: Підкарпатська Русь, Карпатська Україна, „українське питання”, європейська політика.

История Закарпаття и его населения, проблемы языка и культуры, вопросы принадлежности жителей этой области к той или иной этнической общности являются предметом то разгорающихся то затихающих споров, ведущихся с XIX в. и по сей день. Отражением сложной истории края, входившего в разные времена в состав Венгрии, Австро-Венгрии, Чехословакии (Чехословакии), СССР (УССР), Украины, а также политической ориентации тех или иных политических деятелей, пытавшихся оказать влияние на судьбу этой области и её государственно-правовой статус, являются и различные наименования этой территории, которые встречаются в официальных и неофициальных документах, в научной литературе и публицистике: Угорская Русь, Карпатская Русь, Подкарпатская Русь, Руська Крайна, Прикарпатская Русь, Карпатская Украина, Подкарпатская Украина, Закарпатская Украина, Подкарпатье, Закарпатье и пр.

В 1918 г. Закарпатье согласно решению Парижской мирной конференции вошло в состав

Чехословацкой республики под названием Подкарпатская Русь. Однако, среди немногочисленных представителей интеллигенции этого края в конце Первой мировой войны отсутствовало единство во взглядах на его будущее. Существовали проекты вхождения этой области на правах автономии в состав провозглашенной в ноябре 1918 г. Венгерской республики, а также присоединения к Украине, России либо Чехословакии. Были и сторонники создания самостоятельного государства [18, с.42; 9, с.3-5]. С самого начала пребывания в ЧСР между закарпатской политической элитой и центральной властью возникли напряженные отношения. Среди множества движений и партий, появившихся в Закарпатье, шла непрерывная борьба за влияние в этом крае. Особо соперничали друг с другом партии и организации, представлявшие украинское и русское (русинское) направления. Следует отметить, что понятия «русин», «русинский» тогда не были точно определены и толковались произвольно. Пражское правительство в зависимости от си-

туации в межвоенное двадцатилетие поддерживало то первое, то второе направление. Краевая организация коммунистической партии Чехословакии, которая пользовалась большим влиянием в Закарпатье, поддерживала тесные связи с КП(б)У и его жителей, как и жителей Восточной Словакии, считала украинцами. Это и понятно, поскольку такой точки зрения придерживался тогда Коминтерн. Сначала коммунисты решение украинского вопроса связывали с пролетарской революцией и СССР, но во второй половине 1930-х годов встали на позиции защиты Чехословацкой республики (ЧСР). «Украинофилы» – националисты, делавшие ставку на поражение большевиков и распад Советского Союза, все чаще обращали свой взор к нацистской Германии, где в 1929 г. была создана и вела активную деятельность Организация украинских националистов (ОУН), которая имела свои филиалы в различных странах [18, s.83-93].

Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии положило начало расчленению Чехословакии, которая, потеряв важные в экономическом и стратегическом отношении территории, была значительно ослаблена. После получения Словакией и Подкарпатской Русью осенью 1938 г. автономии, страна, фактически превратившаяся в федеративное государство, стала именоваться Чехо-Словакия. Просуществовавшая 20 лет ЧСР, агонизируя, шла к своему окончательному распаду, подталкиваемая гитлеровской Германией, которая, по сути, стала единственным арбитром в центральной части Европы. Министр иностранных дел ЧСР К. Крофта в беседе с полпредом СССР в Праге С.С. Александровским еще 3 октября 1938 г. с горечью отмечал, что «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения», что «недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии» [2, с.45].

8 октября 1938 г. в Ужгороде было образовано первое «карпато-русское» правительство во главе с А. Броди, строившим планы включения Закарпатья на правах автономии в состав Венгрии. Через две недели при поддержке Праги и Берлина на смену этому кабинету пришло правительство пронемецки настроенного украинофила А. Волошина, резиденцией которого после того, как Ужгород, согласно Первому Венскому арбитражу Германии и Италии 2 ноября 1938 г. отошел к Венгрии, стал г. Хуст. Новый премьер вынашивал идею создания самостоятельного украинского государства под названием Карпатская Украина. Это наименование вместо Подкарпатская Русь и было введено распоряжением правительства автономии от 30 декабря 1938 г. До этого оно употреблялось с середины 1920-х годов коммунистами и Коминтерном, а также

украинскими националистами¹. Официальным языком автономии стал украинский язык. Волошин и его сторонники строили грандиозные планы превращения Закарпатья в своего рода «украинский Пьемонт»². Согласно их представлениям Карпатская Украина должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание «Великой Украины» мыслилось при поддержке и под покровительством нацистской Германии. Гитлер не возражал против такого проекта. Берлин поддержал и переименование Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину [1, ф.082, оп.22, п.93, д.7. л.111; 2, с.265]. Поползли слухи о возможном присоединении к ней всех украинских земель, однако ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния идею создания «Великой Украины» не одобрили. Польша, имевшая значительный украинский анклав (Восточная Галиция), опасалась в случае реализации этой идеи за целостность государства. Варшава предпочитала видеть Закарпатье в составе Венгрии, чтобы установить, таким образом, с последней общую границу. Будапешт заявлял о своих претензиях на Подкарпатскую Русь, считая её исконно венгерской территорией, и грозил аншлюсом.

Конец 1938 г. – начало 1939 г. отмечены ширящимися слухами о планах Берлина в отношении «украинского вопроса». Посол Великобритании в Германии Н. Гендерсон сообщал в Лондон 9 марта 1939 г.: «Что касается Украины, то хотя я и считаю идею завоевания невероятной, мне кажется, тем не менее, неизбежным, что Германия проявит желание попытаться отторгнуть эту богатую страну от обширного государства, которое она считает своим основным врагом. В своих собственных интересах она предпочла бы, естественно, чтобы Украина была независимой и служила бы буферным государством между ней и этим врагом, и совершенно очевидно, что она хотела бы пользоваться там преобладающим экономическим и политическим влиянием» [2, с.255]. В западной прессе утверждалось, что Германия проводит в отношении Украины такую же политику, как и в отношении Судетской области, что Гитлер, манипулируя правом народов на самоопределение, готов помочь сепаратистским движениям в Польше и СССР осуществить их намерения. Москва не могла не отреагировать на эти слухи. В отчетном докладе партии на XVI съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 10 марта 1939 г. И.В. Сталин по этому поводу иронизировал: «Характерен шум, который подняла англо-

¹ По мнению И. Попа, это название не имело исторических традиций в Закарпатье [11, с.197]

² Пьемонт – область на северо-западе Италии, в XIX в. центр национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии.

французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь на руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине... Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине». Говорит об этом, как считал Сталин, «смешно и глупо» [17, с.571-572]. Очевидно и в Германии на тот период было сочтено преждевременным строить планы создания «Великой Украины» с использованием в этих целях территории Закарпатья.

Ближайшей задачей Берлина стала окончательная ликвидация Чехо-Словакии при поддержке Венгрии и Польши, которым было обещано за это соответствующее вознаграждение: первая должна была получить Закарпатье, а вторая – вождеделенную границу с Венгрией. По существу, это означало, по крайней мере на тот момент, отказ Германии от идеи создания «Великой Украины». Будапешт такое решение устраивало, а Варшаве вознаграждение представлялось недостаточным, поскольку от поляков требовалось взамен пожертвовать в пользу Германии Гданьском и предоставить ей «коридор» в Восточную Пруссию. Берлин не смог договориться с Варшавой и с этого времени в германской внешней политике явственно обозначаются признаки возможного «поворота на Восток» и заключения советско-германского пакта о ненападении.

Несмотря на то, что власти второй Чехо-Словацкой республики всячески демонстрировали свою лояльность Берлину, дни её были сочтены. Нацисты стремились подорвать Ч-СР изнутри, поддерживая сепаратистские настроения в Словакии и Карпатской Украине. Попытки пражского правительства силовыми методами удержать свою власть в этих областях окончились неудачей. 12 марта 1939 г. Гитлер пригласил к себе венгерского посла Д. Стояи и настаивал, чтобы Венгрия немедленно перешла в наступление, поскольку в Праге царит «дух Бенеша» и такое положение не может быть более терпимо. Право решать вопрос о Закарпатье было оставлено за Будапештом. «Действуйте, – советовал фюрер, – не уведомляя об этом другие правительства. Действуйте быстро, поскольку существуют и другие претенденты на Подкарпатскую Русь... Ограничьтесь Подкарпатской Русью и не нападайте на Словакию. Словацкий вопрос будет поставлен позднее. Момент для оккупации Подкарпатской Руси благоприятен»

[12_ с.245]. 14 марта венгерские войска перешли границу в районе Мукачево и начали оккупацию Закарпатья. Правительство Волошина, провозгласившее создание самостоятельного государства под названием Карпатская Украина и намеревавшееся просить Германию о протекторате над ней, не получило поддержки Берлина. Гитлер не мог тогда рисковать забрезжившей возможностью вступить в альянс с Советским Союзом. В отчаянии Волошин направил просьбу в Бухарест с предложением присоединить Закарпатье к Румынии. Но она ничего не намерена была предпринимать без согласия Германии, а его получено не было. В течение 14-18 марта венгерские войска оккупировали всю территорию провозглашенной Волошиным Карпатской Украины. Небольшую её часть заняли польские войска, выступившие на соединение с венгерской армией.

Советский посол в Лондоне И.М. Майский сообщал в Москву 15 марта: «Польский посол Рачинский... рассказал, что венгры уже установили общую границу с Польшей в Карпатской Украине и что Германия против этого не возражает. Он (Рачинский – В.М.) полагает, что в данной обстановке ликвидация Карпатской Украины как марионеточного “государства” под германским “протекторатом” является плюсом со всех точек зрения... Согласие Гитлера на аннексию Карпатской Украины, по-видимому, означает его окончательный отказ, по крайней мере на нынешнем этапе, от “украинских планов” и как будто бы подтверждает мнение Черчилля о том, что ближайший его удар будет направлен на Запад» [2, с.275].

Сторонник сохранения Карпатской Украины как самостоятельного государства германский дипломат П. Клейст, готовивший 6-11 марта по поручению министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа для Гитлера материалы по украинским проблемам, в беседе с немецким журналистом 13 марта так описывал (по всей видимости, не случайно, а с определенным прицелом) реакцию Гитлера на представленные ему проекты: «В своих памятных записках и сообщениях Гитлеру... я испробовал все, чтобы спасти Карпатскую Украину. Я указывал на важное значение, которое имеет Карпатская Украина в связи с германскими планами на Востоке. Я обращал внимание на то, что возмущение украинцев Германией должно быть огромным, если мы отдадим Карпатскую Украину Венгрии. Наконец, я указал на то, что мы не можем сразу порвать с украинцами, после того как мы до этого, особенно в результате образования Карпатской Украины, пробудили в них самые большие надежды на помощь и поддержку со стороны Германии. На Гитлера эти аргументы не произвели впечатления. Как сообщил мне Риббентроп, Гитлер на все это лишь заявил: “Это трагично, но

неизбежно». По словам Риббентропа, Гитлер выступал также против мнения, что он якобы зангажировался в украинском деле. Гитлер будто бы сказал: «Если бы я связался с украинцами и с их политическими планами, то в Вене не было бы принято третейского решения, которое сделало Карпатскую Украину нежизнеспособной». Фюрер имел при этом в виду отторжение в пользу Венгрии в ноябре 1938 г. наиболее развитых в экономическом отношении западных и наиболее плодородных южных территорий Закарпаття. На вопрос журналиста, «не выпустил ли Гитлер совершенно из рук украинскую карту, занимая такую позицию?», Клейст ответил: «Гитлер, очевидно, позже намерен снова ввести в немецкую игру украинскую карту, когда будут осуществляться германские планы на Востоке. Он думает, вероятно, что украинцы снова присоединятся к нам, так как при любых обстоятельствах они зависят от германской помощи». «К памятной записке для Гитлера, – продолжал Клейст, – я приложил в качестве дополнения карту из украинского атласа, на которой была обозначена будущая империя Великой Украины. Гитлер, как сообщил мне Риббентроп, отложил эту карту в сторону со словами: “все это пока еще мечты”. Если он говорит “еще”, то, вероятно, думает, что позже они однажды должны стать действительностью» [2, с.273-274].

Об отношении Берлина к судьбе Карпатской Украины сообщил 16 марта в Париж и французский посол в Германии Р. Кулондр: «Одновременно Закарпатская Русь также провозгласила 12 марта независимость и обратилась к Берлину с просьбой о защите. Однако гитлеровские руководители остаются глухими к призывам этой страны, связавшей с ними все свои надежды; на некоторое время ей отводится роль “украинского Пьемонта”... Закарпатскую Украину оккупируют венгерские войска... В телеграмме, адресованной посольству Франции в Берлине, премьер-министр Ревай просит французское правительство предпринять демарш в адрес правительства Будапешта, с тем, чтобы судьба его страны (Карпатской Украины – В.М.) была решена дипломатическим путем, а не силой оружия. Все вроде бы указывает на то, что рейху безразлична судьба этого государства и что он оставляет его Венгрии» [2, с.286].

Берлин рассчитывал разыграть «украинскую карту» уже в ближайшем будущем при подготовке агрессии против Польши. Территория Карпатской Украины рассматривалась как один из плацдармов осуществления нападения на Польшу³. «В настоящее время, – говорил выше-

упомянутый Клейст 2 мая 1939 г., – мы в Берлине изучаем вопрос об использовании украинцев в этом деле. С Волошиным и Реваем достигнута договоренность о том, чтобы в рамках Венгерского государства предоставить широкую автономию Карпатской Украине. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы ослабленную способность украинцев к борьбе. Не требуется подвергать специальной обработке украинские руководящие круги, ибо последние события ни в коей мере не поколебали их преданности Берлину. Осуществив подобного рода подготовку, мы смогли бы затем дать Польской Украине сигнал к восстанию... Между Берлином и Львовом установлен такой тесный прямой контакт, что можно не сомневаться в массовом восстании украинцев. Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект встречается в Берлине лишь одну оговорку. Это – возможная реакция Советского Союза» [2, с.421]. Причины такой оговорки понятны: именно в это время Берлин начал практически нащупывать почву для установления «дружественных отношений» с Москвой. В качестве одного из доказательств изменения политики Германии в отношении СССР в беседах немецких дипломатов с их советскими коллегами указывалось на то, что «упразднение Карпатской Украины хотя и сделано не прямо ради СССР, но было бы немислимо, если бы у Германии было намерение осуществить экспансию в сторону Украины», отрицалось «будто Германия имеет какие-либо aspirations на Украине» [2, с.441, 520].

Итак, Гитлер пока решил «оставить» Закарпатье Венгрии. Волошину и его соратникам не по душе было это решение, и они продолжали искать более подходящий в создавшихся условиях и приемлемый для Германии вариант реализации своей идеи. После оккупации Закарпаття венграми Волошин покинул край и через Бухарест и Вену перебрался сначала в Берлин, а затем обосновался в Праге. «Правительство Карпатской Украины в изгнании» 21 июля 1939 г. заключило договор с ОУН, в котором говорилось: «Власти (президент и правительство) Карпатской Украины признают украинское националистическое движение единственным носителем соборническо-освободительной борьбы украинской нации и Провод украинских националистов руководителем этой борьбы» [21].

Волошина и его соратников не оставляла мысль об освобождении Закарпаття от венгерской оккупации и нахождении с помощью дипломатических усилий более приемлемого варианта его будущего. В Праге, а возможно в Братиславе, где нашел прибежище премьер-министр и министр иностранных дел правительства Карпатской Украины Ю. Ревай, начала прорабаты-

³ Эти планы Германии не осуществились: регент Венгрии М. Хорти не согласился участвовать в войне против Польши и отказался пропустить немецкие войска через «свою» территорию [13, № 2, с.191]

ваться идея создания словацко-украинского государства под эгидой Германии. Эта идея восходила к появившимся еще осенью 1938 г. немецким проектам создания самостоятельной Словакии, которая включала бы и автономную Подкарпатскую Русь [12, с.181]. В ноябре 1939 г. Волошин и его соратники составили «Меморандум о присоединении Карпатской Украины к Словакии», который затем был отправлен Риббентропу и словацкому правительству. Оно, в принципе не возражая, связывало реализацию проекта с согласием Гитлера. Авторы меморандума жаловались на пагубные для Карпатской Украины последствия венгерской оккупации, на террор и ликвидацию там институтов культуры, закрытие украинских школ, запрещение пользоваться родным языком в официальном делопроизводстве и во время церковных служб, насильственную мадьяризацию. Все это могло привести, по мысли авторов меморандума, к интервенции Красной Армии в Закарпатье и присоединению его к Советскому Союзу. Поэтому присоединение этой территории к Словакии и создание федеративного государства не противоречило бы стратегическим интересам Германии. Далее в меморандуме говорилось: «Венгерское королевское правительство не сумело (и в будущем не сможет) подавить проявления дружбы закарпатских украинцев к Советскому Союзу, поскольку народ хочет любой ценой освободиться из-под венгерского гнета и объединиться с каким-либо иным краем, лишь бы не с Венгрией... Словацкое государство расширением своей территории в любом случае выиграло бы, Советский Союз, принимая во внимание договор о дружбе с Великой Германской империей, не ставил бы никаких препятствий такому решению проблемы.... Поскольку оккупация Карпатской Украины юридически не признана ни Великой Германией, ни Советским Союзом, ни Италией ничто не препятствовало бы осуществлению этого изменения» [18, с.181]. Но Германия, на время отложившая идею создания «Великой Украины», не отреагировала на меморандум.

Словацкая республика, созданная при поддержке Германии и находившаяся под её покровительством, тоже не оставляла мысль о том, чтобы разыграть «подкарпатскую карту» в своих интересах. Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР имело следствием установление его непосредственных границ с новыми (после оккупации Закарпатья) венгерскими границами. Теперь советская граница проходила всего в нескольких десятках километров от границ Словакии. Словацкие политические деятели, в том числе президент Й. Тисо и министр иностранных дел Ф. Дюрчанский, с благословения Берлина выступившие с инициативой установления дипломатических отношений с СССР, преследовали при этом и свои политиче-

ские цели. В частности, с помощью Москвы они хотели реализовать идею возвращения Словакии территорий, отошедших к Венгрии в 1938-1939 гг. Решение этой задачи, по мысли словацких политиков, могло бы быть облегчено в случае, если СССР присоединит к себе Закарпатье и станет непосредственным соседом Словакии [15, с.198-240; 10, с.292-328; 19, с.827-846].

Прибывший в Братиславу 2 февраля 1940 г. советский полпред Г.М. Пушкин отмечал, что Словакия наполнена слухами о том, что СССР готов «взять себе Карпатскую Украину». «Дюрчанский и люди его круга, – сообщал Пушкин в Москву, – неоднократно вели разговоры с сотрудниками нашего полпредства по вопросу о переходе Карпатской Украины от Венгрии к Советскому Союзу» [1, ф.01386, оп.4, п.2, д.3, л.37; ф.029, оп. 5, п.29, д.42, л.80, 113]. Но в это время Москва готовилась к намеченным в пакте Молотова-Риббентропа балтийской и бессарабской акциям, что требовало советско-германской согласованности. При этом сверх договоренностей августа 1939 г. СССР претендовал еще и на Буковину, как, по словам Молотова, последнюю недостающую часть «единой Украины» [5, с.61]. Подобные претензии, естественно, не могли не вызвать нежелательного для Москвы раздражения Германии. В разговоре с германским послом в СССР Ф. Шуленбургом 25 июня 1940 г. Молотов заявил: «Постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население – украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему времени вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным» [3, с.375]. Актуальным он стал в 1944 г., когда Красная Армия вступила на территорию Закарпатья. В июле же 1940 г. Шуленбург, сообщивший о своей беседе с главой НКВД словацкому посланнику в Москве Ф. Тисо, сказал, что, по словам Молотова, «вопрос о Карпатской Украине не занимает СССР» [1, ф.1386, оп.4, п.2, д.3, л.177].

Словаки были определенно обескуражены позицией Москвы, что явствовало и из бесед словацких дипломатов с их советскими коллегами. 16 июля 1940 г. по этому вопросу говорил с Пушкиным Дюрчанский, который спросил: «Когда же вы возьмете Карпатскую Украину?». Советский полпред, как следует из записи в его дневнике, ответил: «Эта область настолько незначительна как по населению, так и по территории, что вряд ли о ней следует говорить так много, как говорят в Словакии. Дюрчанский согласился, но подчеркнул серьезное военно-стратегическое значение Карпатской Украины. Развивая эту мысль, он отметил, что Германия, Венгрия и особенно Италия учитывают это значение Карпатской Украины и поэтому не хотят

отдавать её нам. Я не поддержал этого разговора» [1, ф.1386, оп.4, п.2, д.3, л.143]. Не поддержал не потому, что эта область действительно не интересовала Советский Союз, а потому, что тогда включение Закарпатья в состав СССР было нереальным из-за противодействия прежде всего Германии и её союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим. Вопрос о Карпатской Украине в беседах словацких политиков с советскими дипломатами после этого больше не поднимался, тем более, что Дюрчанский был смещен со своего поста и заменен открытым германофилом А. Махом.

Однако снова начала муссироваться идея присоединения Карпатской Руси к Словакии, о чем, в частности, говорил Пушкину словацкий военный министр Ф. Чатлош 10 октября 1940 г. [1, ф.1386, оп.4, п.2, д.4, л.138]. По информации, полученной Пушкиным от югославского полпреда в Словакии Симича, в конце августа премьер-министр Словакии В. Тука и А. Мах приняли Ю. Ревая как возможного будущего президента Карпатской Украины. Симич полагал, что при известных обстоятельствах и договоренности с Германией по некоторым территориальным проблемам венгры могут отказаться от Подкарпатской Руси в пользу Словакии [См. подробнее: 9, с.16-17]. Германия же, занятая в ту пору более важными для неё делами, связанными с укреплением немецких позиций на Балканах, пока не считала вопрос о Карпатской Украине актуальным и, заинтересованная в лояльном отношении Венгрии, предпочитала сохранить все, как есть.

Венгры, которые вопреки мнению Симича, не собирались расставаться с Закарпатьем, были удовлетворены позицией «незаинтересованности» Советского Союза в этой территории. Министр иностранных дел И. Чаки в беседе с полпредом СССР в Венгрии Н.И. Шароновым 13 февраля 1940 г. утверждал, что они довольны заявлением заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина о том, что советско-венгерская граница «одна из самых стабильных в Европе». Чаки, по его словам, в беседе с министром иностранных дел Италии Г. Чиано сказал: «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем» [3, с.86]. В июле 1940 г., выступая на заседании парламента, Чаки, в частности, говорил «об отсутствии у СССР каких-либо планов относительно Закарпатской Украины». На этом же заседании, по словам Шаронова, был прочитан проект закона об «автономии» Закарпатской Украины» [3, с.465-466]. Предусматривалась доработка закона и введение его в действие в течение двух лет, но после вступления Венгрии в войну на стороне Германии он так и не был реализован.

Меж тем, после оккупации Закарпатья венгерскими войсками часть его населения покинула родину и переселилась в Восточную Словакию, пополнив и до того значительную там диаспору «карпато-русинов», как они именовались в документах советского полпредства в Словакии. Генеральное консульство СССР в Праге осенью 1939 г. и Генконсульство СССР в Братиславе летом 1940 г. отмечали массовое посещение этих учреждений представителями «карпато-русин», которые желали знать, когда же Советский Союз «возьмет Подкарпатскую Русь себе». «Волна выражения любви и симпатий к советскому государству, – сообщал в Москву советский генконсул в Праге Куликов, – проявлялась в особенности в те моменты, когда происходило движение Красной Армии на наших западных границах» [1, ф.01386, оп.1, п.1, д.2, л.41], т.е. осенью 1939 г. и летом 1940 г. 4 ноября 1940 г., согласно сообщению Куликова, советское Генконсульство в Праге посетила делегация пражского отделения Русского национального совета Карпатской Руси и передала подписанный председателем И. Шлепицким манифест «О присоединении Карпатской Руси к России» с просьбой направить этот документ «Совету министров СССР». «Мы заявили, – писал Куликов, – что нам ничего не известно о такого рода присоединении, мы полагаем, что этого не будет, учитывая международную обстановку, противоречия, связанные с этим актом, и стремление СССР к миру». 5 ноября 1940 г. Куликов снова сообщил в НКВД: в Генконсульство «ежедневно поступают письма, ходят люди в одиночку, группами и делегациями с просьбой присоединить Карпатскую Русь к Советскому Союзу. По рассказам посетителей, это движение среди полумиллионного населения приняло всенародный характер. В народе распространяются слухи, что СССР присоединит этот участок земли южных Карпат в самое ближайшее время, которое определяется лишь одним-двумя месяцами. Это настроения, по-видимому, распространено настолько широко, что захватило не только бедную часть населения, рабочих, крестьян, интеллигенцию, но и более зажиточные слои» [1, ф.0138, оп.20, п.130, д.1, л.152-153]. О подобных настроениях среди русин Восточной Словакии сообщал в НКВД 21 декабря 1940 г. и Пушкин [1, ф.029, оп.5, п.29, д.42, л.14-15; См. также: 14, с.221-223]. Советские дипломаты, вступая в контакт с посетителями по этим вопросам, естественно, придерживались официальной линии Москвы. Поэтому многие тысячи жителей, прежде всего Закарпатья и Восточной Словакии, предпочитали самостоятельное решение проблемы и нелегально переходили новую советско-венгерскую границу, рассчитывая получить на российской стороне понимание и поддержку. Однако здесь их ждало горькое разочарование:

большинство именно за нелегальный переход границы попало в лагерь НКВД⁴.

Находившийся в эмиграции бывший президент ЧСР Э. Бенеш, возглавивший за границей борьбу за восстановление Чехословакии в её предмюнхенских границах, включая и Подкарпатскую Русь, тоже пытался разыграть «подкарпатскую карту», выстраивая свою политическую линию в отношении с Советским Союзом и Западом. Осенью 1939 г. ни Англия, ни Франция не спешили признать Бенеша главой чехословацкого освободительного движения за рубежом, а созданный в Париже Чехословацкий национальный комитет (ЧНК) временным чехословацким правительством в изгнании. Отсюда – стремление Бенеша заручиться поддержкой Москвы. Во время его нескольких встреч с Майским осенью 1939 г. поднимался вопрос и о дальнейшей судьбе Закарпатья (Подкарпатской Руси). 22 сентября 1939 г. экс-президент, как следует из его записи беседы, заявил советскому послу, когда зашла речь о Подкарпатской Руси: «Эта земля наша...мы имеем на это право...Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (СССР – В.М.) будут нашими соседями и потребуют этого, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны её иметь» [6, s.87]. При этом Бенеш, как значится в дневнике Майского, высказался за то, чтобы «СССР имел общую границу со Словакией» [4, с.21].

В октябре-ноябре 1939 г. на Западе распространялись упорные слухи, что СССР намерен присоединить к себе Закарпатье. В частности, этим было очень обеспокоено МИД Франции, о чем шла речь на заседании ЧНК 6 ноября 1939 г.: «На Quai d'Orsay (адрес французского МИД – В.М.) паника. поскольку там получено сообщение, что Россия хочет в течение месяца оккупировать Подкарпатскую Русь, что об этом ведет переговоры с Германией...В связи с этим на Quai d'Orsay и в правительстве большие опасения, поскольку полагают, что Советский Союз спустится с Карпат в Дунайскую низменность и станет, таким образом, решающим фактором давления не только на Чехословакию и Венгрию, но и на все Балканы». Англичане, как и французы, тоже полагали, что «Россия попытается оккупировать Подкарпатскую Русь» [8, s.83, 128]. Бенеша же волновало другое: слухи, что Москва может признать факт существования Протекто-

рата Богемия и Моравия и что Словакия и Венгрия в её новых границах при разделе сфер влияния между СССР и Германией останутся за последней [20, s.53]. Во время новой встречи Бенеша с Майским 21 ноября 1939 г., как значится в дневнике посла, экс-президент снова говорил о необходимости установления «общей границы между Чехословакией и СССР». Это может быть достигнуто, по мысли Бенеша, «двумя путями: включением Карпатской Украины либо в состав Чехословакии, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной» [4, с.66].

После прибытия в Москву словацкого посланника и ликвидации там чехословацкого полпредства в декабре 1939 г. Бенеш до восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений в июле 1941 г. публично, насколько известно автору, нигде не затрагивал вопрос о будущем Закарпатья, но продолжал считать его составной частью возрожденной ЧСР. В Меморандуме Бенеша «Чехословакия после войны» (март 1940 г.) относительно этой территории говорилось: «Проблему Подкарпатской Руси мы оставляем будущему, ожидая дальнейшего развития событий в Центральной Европе и полагая, что, прежде всего, сами русины должны выразить свое желание и свою волю в этом вопросе, так же, как в 1918 г. они свободно высказались за Чехословакию» [7, s.46-47]. В меморандуме о целях Чехословакии после установления мира, подготовленном Бенешем 2 февраля 1941 г., значилось: «Чехословацкая республика рассматривает Подкарпатскую Русь как интегральную часть своей территории и никогда от этой точки зрения не откажется» [7, s.88].

Таким образом, можно сказать, что в 1939 г. Бенеш действовал по формуле: «Подкарпатская Русь может принадлежать либо Чехословакии, либо России». В 1940 – начале 1941 г. акцент делался им уже только на первой части этой формулы. Такая постановка вопроса вполне устраивала Запад, который по геополитическим соображениям не желал появления Советов за Карпатами. СССР же, исходя из международной ситуации, «дружбы» с Германией и учитывая уже сделанные им в 1939-1940 гг. территориальные приобретения, вынужден был пока отказаться от соблазнительных предложений относительно Закарпатья, оставив решение этого вопроса на будущее [См. подробнее: 9].

⁴ Во время Великой Отечественной войны, когда на территории СССР началось формирование чехословацких воинских частей, находившихся в лагерях жителей Закарпатья стали постепенно освобождать. На первых порах они составляли преобладающую часть личного состава этих частей, сражавшихся бок о бок с Красной Армией сначала за освобождение советской земли, а затем и Чехословакии [См. подробнее: 16, с.83-106].

1. Архив внешней политики Российской Федерации. – Фонд (Ф). – Опись (Оп). – Папка (П). – Дело (Д). – Лист (Л).
2. Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. В 2-х томах. – Т. 1. – М., Издательство политической литературы, 1990. – 555 с.
3. Документы внешней политики. – Т. XXIII, Кн. 1. – М.: Международные отношения, 1995. – 712 с.
4. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943. В двух книгах / И.М. Майский. – Книга 2. В двух частях. – Часть 1. – М.: Наука, 2009. – 490 с.
5. СССР – Германия. 1939-1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. Составитель Ю. Фельштинский. – б/м.: Изд. «Telex», 1983. – 191 с.
6. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939-1945. Dokumenty. – Díl. 1. – Praha, Státní ústřední archiv v Praze, 1998. – 627 s.
7. Češi a sudetoněmecká otázka. 1939-1945. Dokumenty. – Praha, Ústav mezinárodních vztahů. 1994. – 348 s.
8. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády. 1939-1940. Příloha. Zápisy ze zasedání Československého národního výboru. 1939-1940. Dokumenty československé zahraniční politiky. – Praha, Ústav mezinárodních vztahů, Univerzita Karlova v Praze – nakladatelství Karolinum, Historický ústav Akademie věd ČR. 1999. – 349 s.
9. Марьяна Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939-1945 гг. Документальный очерк / Валентина Марьяна. – М.: Новый хронограф. 2003. – 303 с.
10. Марьяна В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. – Кн. 1. 1939-1941 гг. / В.В. Марьяна. – М.: Индрик, 2007. – 445 с.
11. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси / И. Поп. – Ужгород: Издательство В. Падяка. 2001. – 431 с.
12. Lukeš F. Podivný mír / F. Lukeš. – Praha: Svoboda. 1968. – 365 с.
13. Желицки Б.Й. Регент Венгрии Миклош Хорти (1868-1957) / Б.Й. Желицки // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 173-196; № 3. – С. 185-213
14. Марьяна В.В. Советские дипломаты о русинах: 1940-1941 (Приложение к дискуссии по докладу М. Барновского о русинах) / В.В. Марьяна // Русские и словаки в XIX – XX веках: конфликты, взаимодействия, стереотипы. Материалы международной научной конференции (Москва, 2-4 октября 2007 г.). Москва–Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской, 2007. – С. 221-223.
15. Марьяна В.В. Словакия в политике СССР и Германии / В.В. Марьяна // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. – М.: Индрик, 1999. – С. 198-240.
16. Марьяна В.В. Чехословацкие воинские части в СССР. 1941-1945 годы / В.В. Марьяна // Новая и новейшая история. – 2010. – № 3. – С. 83-106.
17. Сталин И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1947. – 611 с.
18. Materiály z konferencie „Podkarpatská Rus v dejinách Československa 1918-1939“ (Prešov, 9.4.1997) // Česko-Slovenská historická ročenka 1997. – Brno: Česko-slovenská (Slovensko-česká) komise historiků ve vydavatelství Masarykovy univerzity v Brně, 1997. – S. 9-186
19. Marjinová V. „Brána na Balkán“. Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939-1941 / V. Marjinová // Soudobé dějiny. – Praha, 1994. – № 6. – S. 827-846.
20. Němeček J. Československá diplomatická mise v Moskvě (březen-prosinec 1939). Příloha 2 / J. Němeček // Moderní dějiny. – Praha, 1996. – № 4. – S. 53.
21. <http://www.hrono.info/soby/1939ku.html>

РЕЗЮМЕ

КАРПАТСКАЯ УКРАИНА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ 1939-1941 гг.

Марьяна В.В. (Москва)

В статье рассматриваются место так называемого «украинского вопроса» в европейской политике накануне и в начальный период Второй мировой войны, реакция Германии и западных держав на проект «Карпатская Украина», советская позиция в отношении Закарпатья, его будущее в представлении экс-президента Чехословакии Э. Бенеша. Статья основана на архивных материалах, опубликованных документах и литературе.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, Карпатская Украина, „украинский вопрос“, европейская политика.

SUMMARY

CARPATHO-UKRAINE UNDER THE EUROPEAN POLITICS 1939-1941

V. Marjina (Moscow)

The article covers the aspects of "Ukrainian question" on the eve and at the first stage of the Second World War, reaction of Germany and West European countries on "Carpatho-Ukraine" project, Soviet Union position to Zakarpatie, its future according to ex-president of Czechoslovakia E. Benes representation. The article is based on historical, published documents & literature.

Key words: Sub-Carpathian Ruthenia, Carpatho-Ukraine, "Ukrainian question", European politics.